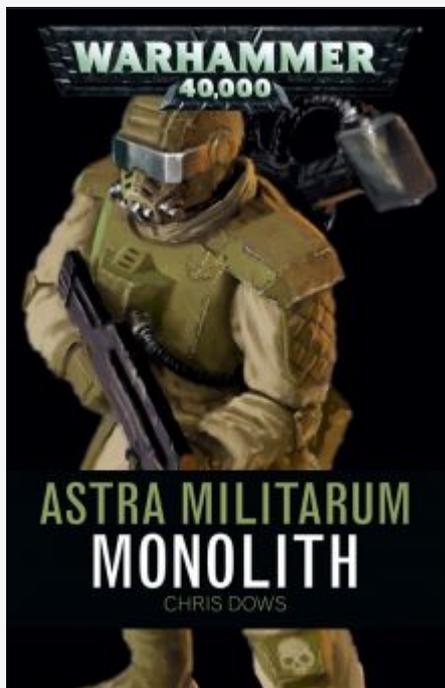

Монолит / Monolith (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Монолит / Monolith (рассказ)

Автор	Крис Доуз / Chris Dows
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Glory Imperialis
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

«Повторяю: говорит флаг-сержант Педазур, 46-й Кадийский полк. Космодесантники-предатели, экипированные прыжковыми ранцами, атаковали нашу позицию. Не можем вести прикрывающий огонь и оказывать иную поддержку. Требуются подкрепления, немедленно!»

Несмотря на брнчание оружия и снаряжения, Захария достаточно четко разобрал слова флаг-сержанта, донесшиеся по воксу. В голосе кадийца не слышалось паники, но по торопливости речи стало ясно главное – бой им предстоит тяжелый.

В ходе инструктажа на борту «Уничтожения» элизийцам сообщили, что данные разведки «неполные», но, очевидно, положение с тех пор ухудшилось.

Где-то внизу, на поверхности Офель-минорис, 46-й полк потерял контроль над комплексом, жизненно важным для обороны Арксова Прохода – огромной структурой неизвестного происхождения, обладающей, по слухам, теми же свойствами, что и знаменитые Кадийские Пилоны. Учитывая опыт кадийцев в отношении таких загадочных объектов, выбор подразделения для размещения в комплексе и его защиты оказался очевидным.

Когда прозвучал первый зов о помощи, «Уничтожение» оказалось ближайшим к планете имперским кораблем, но переход к Офель-минорис всё равно занял почти неделю. Даже в обычных условиях кадийцам, одним из самых крепких бойцов, известных Захарии, непросто было бы уцелеть в столь долгом бою. Теперь, узнав, что условия оказались далеко не обычными, и 46-й полк выжил в противостоянии с врагом из самых жутких мифов и легенд, элизиец ещё сильнее восхитился гвардейцами Кадии.

- Космодесантники Хаоса... – пробормотал Адуллам. – Трон Императора!

На протяжении многих лет Захария слышал произносимые шепотом истории об этих ужасных созданиях. О космических десантниках, восставших против Империи и обратившихся к поклонению темным силам.

Сержант почувствовал, как сидевший слева здоровяк Беор неловко поерзал на ячеистой металлической скамье; сам Захария был зажат между ним и Адулламом. Напротив, почти соприкасаясь с ними тяжелыми ботинками, располагались трое других бойцов из его команды: гвардейцы-ветераны Соаяк, Мелнис и Коарто. Все они молчали, сохраняя силы для выполнения задания. Ход мыслей элизийцев нарушил рев парных турбин «Валькирии» – летательный аппарат вошел в верхние слои атмосферы.

Захария единожды кивнул, и за несколько секунд бойцы подключили к шлемам дыхательные маски, после чего опустили на глаза визоры. Четким движениям гвардейцев не мешали страховочные ремни и обвязки, защищавшие их от резких содроганий транспортно-боевого самолета.

«Точка сброса через две минуты. Все транспортники поддерживают строй. Чистого неба, элизийцы – приземлитесь целыми!»

Голос пилота вздрагивал в тон сотрясениям быстро снижающегося самолета. Захария ответил ему и жестом приказал отряду сохранять вокс-молчание, зная, что пять других отделений, находившихся где-то позади, сделают то же самое. Неприятель, скорее всего, прослушивал линии связи, и последнее, чего хотели гвардейцы – выдать свою смехотворно малую численность.

Элизийского сержанта беспокоило, что полк бросили в бой почти неподготовленным и, соответственно, почти не отдохнувшим после сражения на Ризге. Однако, десантников убедили, что их драгоценный 158-й получит подкрепления, как только будет возможность. Неважно, успеет ли помощь прийти вовремя: гвардейцам предстояла работа, и, несмотря на долгие годы службы, у Захарии что-то затрепетало под сердцем.

Сбросив с плеч страховочные ремни, сержант ухватил лежавший под скамьей гравитиум за поцарапанный сопловой блок, вытащил наружу и водрузил на палубу. Подавшись вперед, Адуллам и Беор взяли за бока аппарата и подняли его над головой командира, который пропустил руки через лямки и начал застегивать крепления. Наклонившись, чтобы стало посвободнее, оба ветерана проделали те же рутинные упражнения, после чего все трое оказались готовы к высадке. В течение нескольких

секунд Коарто, Сояк и Мельнис повторили процедуру. Это была самая неудобная часть любой миссии, поскольку гвардейцам приходилось осторожничать, чтобы ничем не загромоздить и не врезаться друг в друга по пути к выходному люку. Ещё одним препятствием становились объемистые ящики с оружием, занимавшие почти всё свободное место в транспортнике. Именно поэтому отделение ветеранов всегда «одевалось» в последнюю минуту перед высадкой; в ходе бесчисленных заданий они выучили тысячу подобных вещей.

Уамм!

Захария мгновенно взглянул на левую переборку отсека. Это не был привычный для сержанта лязг при входе в атмосферу: что-то попало в них, и весьма крепко. Жестокой иллюстрацией к выводу стала пробоина в серой стенке. Трюм «Валькирии» наполнился отчаянным визгом металла о металл, словно партитурой к балету для шести бойцов, ловко бросившихся к закрепленному оружию.

Когда внутрь пробилась две пары бритвенно-острых когтей, полоска света превратилась в зияющую дыру с рваными краями, и раздался вой сирены - предупреждение о разгерметизации. Крупное существо в бронзовом и алом цветах, держась за грубо проделанный им вход, безучастно посмотрело на людей. Элизийцы расстегивали пряжки, ослабляли ремни и сдвигали крышки контейнеров, но было уже поздно.

Создание закричало.

Ударивший гвардейцев звуковой кулак заставил их чувства упасть на колени. Пригнувшись, чудовище в доспехах бросилось в отсек, яростно рассекая когтями подвески и ремни. «Валькирия» резко накренилась, и врага бросило на Мелниса, Коарто и Сояка, которых он на глазах Захарии превратил в облако багровых ошметков. Повернувшись к троице уцелевшим элизийцам, великан поднял руку в силовой броне, но в момент замаха потерял равновесие из-за того, что самолет резко содрогнулся и пошел вниз.

Завопившего космодесантника Хаоса швырнуло в потолок, и его вой, раскалывающий сознание, с хрустом прервался в миг удара. Свалившаяся в штопор «Валькирия» опрокинулась на левый борт, неприятеля протащило вдоль фюзеляжа, после чего он вылетел в прорезанную им самим дыру, забрав с собой немаленький фрагмент корпуса. Передышка гвардейцев оказалась короткой: линия разлома пробежала по верху отсека, и самолет с оглушительным треском развалился надвое.

Не успев моргнуть, Захария оказался в свободном полете, всё ещё пристегнутый к скамье между Беором и Адулламом. Как только морозный воздух прочистил ему мысли, опыт взял верх над шоком, и сержант начал освобождаться от несущегося к земле сиденья. Мимо проносились обломки «Валькирии»: наклонная крыльевая секция, оторванные куски трюмного настила и вся носовая часть расчлененного транспортника. В бешеном вращении кабины элизиец мельком разглядел обоих пилотов, отчаянно дергающих заевший механизм сброса фонаря. Им не было суждено выбраться.

Сражаясь с тошнотворными перегрузками, Захария резко уперся ногами в скамью и вытащил боевой нож. Трижды полоснув по ремням, десантник мощно оттолкнулся от сиденья и, кувыркаясь, полетел в бездну. Вскоре к нему присоединились Беор и Адуллам, следовавшие примеру командира.

Выбросив руку в сторону, сержант выровнялся относительно горизонта, а затем плавным движением убрал клинок в ножны и закрепил оружие. Распластавшись в воздухе, чтобы ускорить падение, все трое приняли классическое прыжковое построение - и в тот же миг между ними пролетела болтерная очередь.

Оглядевшись, Захария увидел, что к ним несется космодесантник-предатель, ведущий почти неприцельный огонь. Адуллам и Беор, заметив угрозу, вылетели из строя, чтобы врагу предстали две небольшие цели вместо одной крупной. Изогнувшись, сержант развернулся и вытянулся в струнку, благодаря чему набрал скорость; при этом он понимал, что представляет собой отличную мишень. Вариант с включением рулевых двигателей и ответным огнем не имел смысла, поскольку любое замедление только ухудшило бы ситуацию. Кроме того, чтобы вытащить из разгрузки висящий на груди лазган, сначала требовалось выровняться.

Захария попал в серьезный переплет.

Тут же в его поле зрения ворвалось размытое темно-зеленое пятно «Валькирии», внезапность появления которой ошеломила сержанта так же сильно, как и яростный, сотрясающая реактивная струя из парных турбин. В этой неразберихе элизиец совсем забыл о пяти других самолетах ударной группы. Вновь прибывший транспортник с ревом устремился к падающему врагу; огромное создание ринулось было навстречу, но копье жгучего света из лазпушки пробило идеально ровную дыру в его груди.

«Ну, по крайней мере, их можно убить», – подумал Захария, глядя, как космодесантник Хаоса несется к земле, обливаясь кипящей кровью из выходного отверстия в спине. Перед глазами сержанта возникли послеобразы, испуганные лица Мелниса, Коарто и Сояка, погибающих в «Валькирии», и он тряхнул головой, прогоняя жуткое видение. То существо забрало половину его команды. Половину его *друзей*.

С этим Захария разберется позже.

За мгновение до того, как нырнуть в толстые слои облаков прямо вниз, десантник увидел боковым зрением приближающиеся к нему с разных сторон силуэты в прыжковых комбинезонах. Окруженный чрезвычайно влажной белизной, сержант ощутил два похлопывания по отстраненной, трепещущей на ветру руке. Через полоски изморози и конденсата на визоре он разглядел, как Адуллам кивает один раз.

Ответив на приветствие, Захария решил рискнуть и вышел на связь, дважды постучав по шлему у виска.

– Высота примерно три мили. В облаках они нас не заметят, а после снижения мы окажемся под прикрытием уцелевших «Валькирий». Начинайте искать площадку, как только...

– Серж, погляди на *это*.

С такого расстояния поверхность далеко внизу казалась нечетким наброском, обрисованным широкими мазками черной, опаленной солнцем земли и пышных зеленых лесов. Элизийцы уже сотню раз, если не больше, видели подобные узоры, но сейчас их взорам предстал колоссальный, возносящийся к небу монолит из черного камня. Сооружение, поражающее размерами и грубостью очертаний, устремлялось навстречу гвардейцам. Не меньше мили высотой, в основании оно имело форму неровного треугольника, а затем истерзаннные, поеденные, частично разрушенные ветрами и дождями стены монолита начинали завиваться спиралью к вершине. В бело-желтом сиянии солнца Офеля становились заметны тысячи случайно расположенных выступов, бортиков и проходов.

«Вот как оно атаковало нас, – решил Захария. – Спрыгнуло с одной из платформ у вершины».

Приближаясь к пику строения, десантники различали всё больше деталей. На высшей точке каким-то немислимым образом держались ряды наклоненных, потрескавшихся и сломанных каменных столпов. Будто две гигантские руки, сложенные «чашечкой» они служили фундаментом для комплекса временных имперских строений – командного пункта кадийцев. Здания были возведены на треугольной платформе, которую поддерживали балки метровой толщины, выходившие из сужающихся стен

монолита прямо под ней.

Пока сержант пытался сообразить, как всё это ещё не рухнуло, его внимание вдруг привлекли мелькающие пятна цвета, вылетающие наружу. Какие-то обломки и более крупные объекты сбрасывали с высоты.

Захария сжал челюсти: этими «объектами» были люди.

Отстегнув модифицированный снайперский лазган, элизиец поднес телескопический модуль к визору, изо всех сил удерживая равновесие в порывах ветра. Трясущееся изображение подтвердило его опасения – через клубы дыма и языки пламени сержант рассмотрел братьев-кадийцев, отчаянно сражавшихся в ближнем бою. Треск помех в ухе сменился напряженным голосом задыхавшегося Педазура, когда десантники оказались достаточно близко, чтобы поймать сигнал его вокса малой дальности.

«Перегруппироваться по левой стороне... левой! Оранис, следи за...»

Мощный взрыв пробил изнутри дальнюю стену поста вокс-прослушивания, обломки модульной пластальной конструкции, вращаясь, полетели вниз по парашютам из черного камня. В открытом канале раздавались вопли, крики ярости и боли, которые издавали гвардейцы Педазура, сражавшиеся с врагом до предрешенного конца. В ближнем бою, должно быть, их просто вырезали.

Словно в подтверждение этому, острейший взгляд сержанта заметил движение через неровную дыру в стене, мимо которой пролетали десантники. Дюжина кадийцев, возможно больше, отступали спиной вперед и непрерывно палили в оранжево-черный дым. Несмотря на смертоносные залпы, невидимая цель продолжала сближаться с имперцами, а затем случилось неизбежное: все они сорвались с уступа и рухнули в бездну. С высоты больше мили немногие сумели бы разглядеть гибель людей, превратившихся в мешки с костями.

В прицеле Захарии полыхнуло ослепительное сияние, вспыхнувшее где-то вверху. Он инстинктивно отдернул лазган, но никак не мог сморгнуть цветные пятна из глаз. В тот момент, когда элизиец ощутил, что мимо проносится нечто обжигающе горячее, зрение немного восстановилось, и сержант увидел пылающие обломки разрушенных «Валькирий», которые неудержимо приближались к нему по смертоносной дуге. Причина их жестокой судьбы прояснилась секундами позже, как только другая пара транспортников поодаль начала набирать высоту, одновременно отворачивая в разные стороны – сверху к ним направлялись двое космодесантников Хаоса.

- Нет! - беспомощно крикнул Захария, увидев, как один из пилотов совершает чудовищную ошибку. Тот решил открыть люк пассажирского отсека, решив сбросить драгоценный груз прежде, чем самолет окажется жертвой бешеной атаки предателя. Шестеро элизийцев у выхода мгновенно стали целями для яростной ржаво-красной молнии, подлетевшей вплотную к хрупкому фюзеляжу. Все они погибли за несколько секунд.

Хотя на хвосте второй «Валькирии» неотрывно висел другой преследователь, летательный аппарат ринулся на помощь собрату и открыл огонь. Космодесантника-предателя разорвало в кровавые клочья, но его жертва потеряла управление из-за расплавившейся лопасти стабилизатора по левому борту и понеслась прямо к незадачливому спасителю.

Тот попытался отвернуть, но было уже поздно; врезавшись друг в друга, самолеты превратились в мешанину двигателей и фюзеляжей, которая на головокружительной скорости пронеслась мимо

сержанта и его товарищей.

Захария осмотрелся по сторонам, но небо опустело. Самое скверное, нигде не было видно двух других летающих неприятелей.

- Направление - тот большой выступ на одиннадцать часов. Будь я проклят, если потеряю вас всех за один день... Пошли!

Пригнув головы, все трое элизийцев вытянули руки по швам и, повинувшись гаркающему приказу командира, стрелой понеслись к покрытой бороздами и выбоинами стене монолита. Сверху замелькали болтерные очереди, заставившие гвардейцев снова нарушить строй. Пригнув головы, все трое элизийцев вытянули руки по швам и, повинувшись гаркающему приказу командира, стрелой понеслись к покрытой бороздами и выбоинами стене монолита. Сверху замелькали болтерные очереди, заставившие гвардейцев снова нарушить строй.

Извернувшись, сержант попытался отыскать неприятелей; оказалось, что пара чудовищ, атаковавших десант, приближается к ним на огромных, изрыгающих дым прыжковых ранцах. Видимо, они приземлились на выступ и тут же вновь прыгнули в воздух. Мысленно рассчитав скорости, Захария понял, что предатели перехватят их за несколько секунд до того, как отряд доберется до укрытия на монолите - если только он не помешает врагу.

Отклонившись вверх, сержант включил левый рулевой двигатель гравияшюта на долю секунды раньше правого, и закрутился по вертикальной оси. Падение Захарии остановилось, ветеран ощутил тошнотворный толчок и увидел, что отступники несутся к нему, ревя турбинами. Явно не уstraшенные жалким оружием, которое наводил на них дерзкий человек, эти создания наслаждались устроенной ими воздушной бойней.

Глубоко дыша, чтобы скорректировать прицел, элизиец несколько раз выстрелил в приближавшегося к нему передового хаосита, надеясь попасть в уязвимую точку. Существо почти не замечало этих комариных укусов, но сержант не отступал, твердо решив выиграть для Беора и Адуллама необходимое время. Он подозревал, что под чудовищно украшенным доспехом тварь хохочет над этими жалкими попытками, пока её собственные выстрелы всё приближаются к элизийцу.

Внезапно прямо над ними мелькнуло нечто металлическое, заставив гвардейца и предателя разом поднять головы.

За последней «Валькирией» струился дым из левого двигателя. Большая часть законцовки правого крыла исчезла, но мультлазер ещё действовал. Оружие разразилось крайне неточными очередями, заставив обоих чудовищ прервать атаку на Захарию. Развернувшись к поврежденному самолету, хаоситы открыли огонь по кабине и быстро превратили её в калейдоскоп осколков стекла и стали.

Пилот, очевидно, погиб, задний люк был открыт нараспашку, но сержант, заметив свой шанс, прицелился в брюхо транспортника. На одной из направляющих гордо восседала последняя ракета «Адский удар», и, при всей тяжести положения, с третьего выстрела элизиец попал в неё. «Валькирия» исчезла в огненном шаре, пламя охватило ближайшего к ней предателя, а в прыжковый ранец другого вонзилось несколько металлических обломков. Один из них распорол кожух правой турбины, и та скрылась в маслянистом облаке коричнево-черного смога; левый двигатель повысил обороты, компенсируя потерю.

Потеряв равновесие, космодесантник Хаоса перевернулся по горизонтальной оси и устремился к

сержанту, но тот вырубил силовую установку и камнем рухнул вниз. Захария глянул вслед промелькнувшему красному великану, и его облегчение тут же сменилось ужасом. Несмотря на полученный урон, враг уже выбрал другую жертву.

- Беор, сверху-сзади! Уходи!

Предостережение командира опоздало.

Сержанту показалось, что Беор сложился вдвое от удара о доспех предателя и повис на нем; спина гвардейца сломалась с тошнотворным звуком. Адуллам, сам едва избежавший столкновения, пропал в чернильных клубах дыма, по спирали тянущегося вслед за хаоситом. Тот врезался в стену гигантского монолита, и, если даже элизиец выжил при первом столкновении, теперь всё было кончено.

В полном отчаянии Захария смотрел, как изломанные останки бойца сваливаются с разбившегося космодесантника и падают вниз, вдоль края громадного строения. Лишенное всякого благородства в смерти, тело Беора подобно манекену отскакивало от выступающих карнизов и брусов.

Адуллам, неясная тень, снижался к большому треугольному входу несколькими уровнями ниже; гравитиют нес его опасно близко к грубой черной стене. Прямо над элизийцами, в посту прослушивания, всё ещё бушевало сражение, сверху летели беспорядочные выстрелы. Увидев огненный шар взрыва и нескольких кадийцев, сброшенных ударной волной, Захария включил рулевые двигатели. Большинство падающих были мертвы, их тела, кувyrкаясь в ледяном воздухе, принимали неестественные позы. Но один гвардеец, едва уцелевший, брыкался и пытался ухватиться за воздух, сжимая в руке хлопающий обрывок ткани. Даже с такого расстояния сержант разобрал, что это обрывок полкового знамени; что, если прямо на него падал сам Педазур?

Предстояло выполнить сложный маневр. Спасение в воздухе оказалось бы довольно непростым трюком и для двух опытных элизийцев, часто практиковавшихся в ролях спасителя и спасаемого. Поймать свободно падающего, необученного человека, будет намного тяжелее. Люди не представляли, что их *возможно* выручить. Попытки выйти на связь в таких случаях не помогали - проблематично услышать вокс-вызов, когда сам захлебываешься криком. Кроме того, сейчас гарнитура флаг-сержанта кадийцев бесполезно болталась у него на шее.

Захария знал, что топлива в рулевых двигателях осталось на считанные секунды маневров, так что попытка будет только одна. Пока сержант тормозил гравитиютом, мимо него кошмарным дождем цвета хаки проносились трупы; когда рядом пролетел бьющийся в агонии гвардеец, силовая установка десантника затряслась в своих финальных судорогах. Глубоко вдыхая, элизиец провел кое-какие последние расчеты перед решающим снижением.

Несколько мимолетных, свистящих мгновений спустя Захария врезался в бок спасаемого, и, за счет его инерции и траектории падения, оба солдата влетели через зияющую дыру внутрь монолита. Приземлились они на холодный и мокрый камень, с тяжелым, гулким шлепком.

Неотступная колющая боль в правом боку сообщила Педазуру, что он ещё жив. Кроме того, замаячивший перед глазами образ тоже едва ли относился к славной загробной жизни - это не был лик Императора, благосклонно взирающего на кадийца и готового принять его в лоно небесное. Флаг-сержанту предстало грязное, окровавленное лицо, пересеченное шрамами, с запавшей левой щекой, на которой быстро проявлялся фиолетовый синяк.

- Он очухался, серж.

В поле зрения возник второй незнакомец, и Педазур немедленно опознал его по униформе: элизиец.

- Флаг-сержант Педазур?

Кивнув, он постарался встать, но жгучий прострел в правой руке и поперек груди заставила вновь рухнуть на неподатливый каменный пол.

- Я сержант Захария, это рядовой Адуллам. У вас вывих плеча, могу вправить, если пожелаете, но боль будет адская.

Кому-то деловой тон элизийца мог показаться бесчувственным, но Педазуру всегда нравилась откровенность. Учитывая, что Захария только что спас флаг-сержанту жизнь, он уже пришелся кадийцу по душе.

- Боль и так адская. Делайте, что нужно.

Сержант десантников кивнул Адулламу, который извлек несколько индивидуальных пакетов из лежавших на полу ранцев. Скатав бинты в валик, рядовой бросил его командиру, опустившемуся на колени. Захария осторожно поместил мягкую ткань в сгиб травмированной руки Педазура, прямо под вмявшийся наплечник. Шаркая наколенниками по черному камню, элизиец расположился над вытянутой теперь конечностью флаг-сержанта и обхватил его запястье ладонями в перчатках.

- Я упрусь ногой в валик и одновременно потяну. Готовы?

Откинувшись назад, Захария потянул и тут же слегка повернул запястье. Идеально расположив руку Педазура, он дернул сильнее и был вознагражден громким, влажным щелчком из-под мундира содрогавшегося бойца. Кадиец мгновенно обмяк, испытывая облегчение, и только тогда заметил, что до сих пор сжимает в другой руке клок ткани.

Он посмотрел на драгоценный обрывок.

- С чем мы столкнулись, флаг-сержант? - спросил Захария.

Глубоко вздохнув, Педазур осторожно, неторопливо сел. Боль не исчезла полностью, но уже не занимала все его мысли. Засунув обрывок знамени за пазуху, кадиец протянул левую руку Адулламу, и тот, нагнувшись, помог ему подняться на ноги. Мундир флаг-сержанта на спине вымок от холодного пота и лежания на влажном полу; Педазур попытался, насколько мог, привести себя в порядок, но знал, что выглядит точь-в-точь как человек, упавший с крыши и на полпути заброшенный в окно.

- Предатели явились из ниоткуда шесть суток назад. Одновременно ударили по наземному гарнизону и командному пункту. За три дня мы уничтожили их воздушную поддержку, но потеряли при этом большую часть собственных сил.

Подняв с земли табельный лазпистолет, флаг-сержант быстро проверил оружие и убрал в кобуру. Захария тем временем указал двумя пальцами себе на глаза, а затем на треугольный вход, через который все имперцы влетели несколько минут назад. Туда немедленно отправился Адуллам, а Педазур заметил, что небо приобрело оранжевый оттенок - солнце клонилось к горизонту, свистел задувавший снаружи ветер.

Элизийский сержант продолжал расспросы.

- Какова сейчас численность врага? В чем состоит их цель?

Кадиец внимательно осмотрел громадный, похожий на пещеру уровень вокруг них. Прищурившись и глядя во тьму, он осторожно поводит травмированной рукой вперед-назад, чтобы разработать её.

- Численность неизвестна, хотя их с самого начала было не так много. Несколько дюжин, я предполагаю. А что касается цели... Они собираются взорвать вершину этого объекта.

Бросив взгляд на Захарию, Адуллам нахмурился.

- Зачем? - спросил он.

- Монолит не идентичен нашим пилонам, но имеет множество общих, типичных элементов. Техножрецы годами проводили здесь разные тесты, но думаю, что они так же далеки от разгадки этой структуры, как и аналогичных ей на Кадии.

Скривившись, Педазур поправил себя.

- *Были* так же далеки. Сейчас все они мертвы.

Вздыхнув, сержант десантников открыл флягу и протянул её кадийцу, который сделал пару глотков и вернул сосуд с благодарным кивком.

- Я находился в командном пункте, когда нас отрезали от поверхности. Разведав, что мы достаточно хорошо укрепились и можем отразить их атаку на прыжковых ранцах, неприятели воспользовались нашей собственной сетью мостиков и лесов, возведенных за все эти годы. Одновременный удар сверху и снизу оказался слишком мощным для нас, - Педазур скрипнул зубами, больше от неприятного воспоминания, чем от испытываемой боли. - Слишком мощным.

Затем флаг-сержант посмотрел на высокий сводчатый потолок, различая всё больше деталей по мере того, как его глаза приспособлялись к сумраку.

- Прямо перед тем, как мы потеряли крышу, я заметил, как двое рапторов тащат наверх кучу фуцелина.

Слегка качнув лазганом, элизийский сержант нахмурился.

- Их так называют?

Опустив взгляд, Педазур встретился глазами с Захарией. Ну, разумеется, десантник даже не знал, что их атаковало.

- Мой капитан опознал их в первую же секунду. Он сражался с таким в ходе другой кампании, потерял большую часть бойцов, прежде чем уложить врага. Рапторы Хаоса - одни из опаснейших предателей, и послали их сюда явно с тем, чтобы как можно быстрее выполнить нечто очень важное.

Ветеран-сержант обернулся к Адулламу, и тот согласно кивнул: рассказы стали реальностью, и реальность эта оказалась мрачной. Затем Захария снова посмотрел на кадийца.

- Подкрепления уже в пути, - продолжил тот, - но им потребуется время, которого у нас нет. Спускаться на поверхность смысла нет, там не осталось никого, кто мог бы помочь. Рапторы установят заряды во всех трещинах и укромных уголках, куда сумеют добраться. А техножрецы, как говорил капитан, уверены, что монолит работает только будучи целым. Особенно это касается храма на вершине.

Услышав последнее предложение, элизиец вздернул брови.

- Храм? Вы говорите об этих каменных колоннах?

Флаг-сержант кивнул, слегка улыбаясь.

- Да, так мы назвали это место. Решили, что подойдет, учитывая его форму и расположение. В любом случае, похоже, что цель предателей - уничтожить объект, и этого достаточно, чтобы попытаться остановить их, - Педазур положил ладонь на кусок ткани, засунутый под мундир. - А ещё они забрали мое знамя.

Захария подметил гнев и боль во взгляде кадийца. Именно эти два чувства сейчас определяли поведение флаг-сержанта. Но, прежде чем десантник успел что-то ответить, раздался крик Адуллама с его наблюдательного поста:

- Серж, тут что-то...!

Мгновение спустя рядовой пронесся мимо них двоих, сопровождаемый градом каменных осколков, который боком зацепил Захарию. Наспинная установка и наплечники ветерана приняли основной удар на себя, но бойца всё равно швырнуло наземь. Катясь по черной скале, элизиец прикрывал драгоценную винтовку от возможных повреждений.

Через пару секунд он уже пригнулся в защитной стойке. Откуда-то, ближе к центру зала, доносились стоны Адуллама - тот не погиб при взрыве, но на медпомощь пока не было времени. На фоне неба возник силуэт потрепанного раптора, которого сержант считал погибшим вместе с Беором, и в полумраке раздалось хриплое, затрудненное дыхание предателя.

Очевидно, хаосит выбросил тяжелое оружие после того, как объявил взрывом о своем прибытии. С трудом пробравшись вперед, чудовище подняло болт-пистолет трясущейся рукой и уперлось кулаком в скошенную стену для большего равновесия. Космодесантник Хаоса открыл огонь, кое-как целясь в трёх распластанных на полу людей, но все болты ушли в сторону. Тем временем Захария как раз успел поднести прицел к глазу и активировать усилитель освещения.

В его поле зрения возникло неровное изображение раптора в зеленых тонах, на которое накладывалось более яркое визирное перекрестье; помехи частично скрывали увеличенные детали доспеха. Элизиец мгновенно выстрелил, разряд ярко полыхнул, но этим эффект и ограничился. Монстр попытался вскричать, но вышел только сиплый, искаженный звук, и сам предатель пошатнулся от усилия.

Освещение почти незаметно изменилось, но для поразительно натренированного взгляда Захарии этого хватило. Хотя ветеран-сержант никогда прежде не видел раптора Хаоса, маленькой трещинки в хитроумной ротовой решетке врага ему оказалось более чем достаточно. У плеча элизийца просвистел болт, взорвавшийся затем далеко позади, и на пол пещеры осыпались чернокаменные осколки, но снайпер уже был на своей территории. Медленно вдыхая и выдыхая, он блокировал внешние раздражители.

Захария выстрелил дважды. Первый разряд отразился от доспеха, но второй исчез в вертикальной щели, и голова твари дернулась назад. Несколько секунд предатель стоял неподвижно, а затем внезапно рухнул ничком. Когда стихли отголоски падения, разнесшиеся по огромному помещению, воцарилось безмолвие. Его нарушали только громкие щелчки, издаваемые кожухом поврежденного прыжкового ранца - как решил сержант, установка остывала в промозглом воздухе. Несмотря на тишину, он сохранял разумную дистанцию от громадного тела раптора. Отключив усилитель, ветеран подошел к

другу; увидев, что тот язвительно поднимает брови, Захария кивнул. Удачное попадание, ослабленная цель...

- Ходить сможешь, Адуллам?

- Кажется, сломал пару ребер, - сержант поднял бойца, и его покрытое синяками лицо исказилось от боли. - *Трон* Императора, так и есть! Не меньше двух.

- Снимай комбез, залатаю тебя, как смогу. Я так понимаю, нам предстоит долго карабкаться, верно, Педазур?

Кадиец неуверенно поднялся на ноги.

- Да, придется. Я знаю, на каком мы уровне, и подняться нужно на двадцать. Кое-где хорошие лестницы, но с одним придется нелегко. И, к тому же, мы окажемся на очень открытом месте.

Пока Адуллам болезненными движениями снимал перевязи, разгрузку и прочее разнообразное снаряжение, Захария разматывал бинты из полевого набора. Подобрал шлем, сержант включил встроенный усилитель освещения, и темнота у дальней стены пещеры обернулась потусторонним зеленоватым сиянием. Элизиец различил широкие, крутые ступени из скалобетона и стали, уходящие ввысь. Также он увидел большое треугольное отверстие в сводчатом каменном потолке, на высоте примерно тридцати ярдов. Аналогичный проход имелся и в полу зала.

- Ну, хоть с темнотой у нас проблем не будет. Мы вас поведем, - заметил Адуллам.

Рассмеявшись, Педазур шагнул в темноту.

- Я почти два года ходил вверх-вниз по этой чертовой башне, боец. Смогу подняться с закрытыми глазами - уже делал так раньше.

Рядовой десантник, нахмурившись, взглянул на Захарию, который затягивал ему повязку на ребрах.

- Как скажете.

Хотя каждый вздох и движение давались Адулламу с болью, первые три уровня гвардейцы преодолели почти без проблем. Что интересно, предатели не тронули схронов с различным оружием, устроенных кадийцами на каждом этаже, так что бойцы набрали батарей питания и гранат, сколько могли унести. Им даже попался компактный ракетомет, и, пусть нагруженная троица двигалась чуть медленнее, всем было спокойнее с новыми находками - в частности, вокс-гарнитура малого радиуса действия для Педазура, потерявшего свою при падении.

Хотя теперь гвардейцы могли переговариваться, они почти не общались и вскоре уже равномерно шагали в молчании, напрягая чувства в поисках ранних признаков неприятностей. На четвертом уровне им уже стало не по себе из-за отсутствия сопротивления.

Флаг-сержант пытался вспомнить, сколько рапторов Хаоса насчитал при первой атаке, но так и не пришел к точной цифре, которую мог бы назвать элизийцам. Неважно, сколько осталось предателей, они, вернее всего, знали, что имперцы здесь, и рано или поздно должны были атаковать.

Хотя площадь помещений уменьшалась с каждым этажом, залы оставались огромными, и гвардейцы без

проблем огибали крупные треугольные дыры в полу – «колодец» пронизывал монолит по центральной оси. Ни кадиец, ни элизийцы понятия не имели, для чего он нужен, но осознавали, что возможное падение будет долгим и закончится фатально.

Подойдя к основанию серьезно поврежденной лестницы, Педазур поманил десантников к себе и тихо зашептал:

– Дальше будет последний большой зал. Он осыпается уже десятилетиями, так что берегите головы.

Замолчав, флаг-сержант утер пот, струившийся по лицу, после чего продолжил:

– Как я и говорил, весьма паршивое место.

Элизийцы последовали за ним через проход в монолитном каменном полу метровой толщины. Посмотрев на стену перед собой, Захария глубоко вздохнул: к выходу с уровня, большой неровной дыре на стыке с потолком, вели зигзаги металлических мостков, канатов и пластальных труб, постоянно сужающихся и скрепленных между собой. Эта пещера оказалась наибольшей из всех; сержант обратил внимание, что центральный «колодец» заканчивается именно здесь.

Адуллам шумно выдохнул, громче, чем ему хотелось бы. Рядовому не удавалось скрыть проблемы с дыханием.

– Понадежнее нельзя было всё устроить?

Педазур кисло улыбнулся ему.

– Стены и одного лестничного пролета бы не выдержали, так что иначе никак. Инженерам пришлось сверлить крепления через потолок, настолько неустойчивая здесь скала. Изначально последние пятнадцать уровней были разделены.

Затем флаг-сержант осторожно поставил ногу на самую нижнюю платформу, и, как только он зашагал по скользким металлическим листам, весь мостик с лязгом закачался. Во множество треугольных отверстий, расположенных по верхам каждой из трех стен, ещё просачивалось достаточно света, но уже довольно скоро кадийцу пришлось бы воспользоваться люминатором, позаимствованным из шкафчика с припасами пару этажей назад.

Держась за направляющий канат свободной рукой, Педазур добрался до плоской платформы у дальнего конца стены. Узкая вертикальная лесенка соединяла её со следующей площадкой, более короткой и наклоненной вверх. Флаг-сержант объяснил Захарии и Адулламу, что необходимо выждать, пока он не окажется уровнем выше, и только тогда взбираться следом, причем строго поодиночке. Таким образом, отряд разделится, самое меньшее, по трем этажам, и у них уйдет как минимум двадцать минут, чтобы преодолеть дюжину уровней этой ненадежной системы переходов. Кадийцу оставалось надеяться, что рапторы не очень быстро установят заряды.

Когда Захария подтягивался на четвертый этаж, весь мир окрасился в ярко-зеленый. Хотя усилитель изображения в шлеме обладал встроенными предохранителями, при быстрой смене освещения подстройка всегда запаздывала. Из-за этого вспышка мощного взрыва, сотрясшего пещеру, фактически ослепила ветерана.

Мимо гвардейца, который намертво вцепился в страховочный трос, протянутый вдоль шаткого мостика,

неслись камни, трубы и балки. Раздался визгливый вопль, тут же переросший в оглушительный вой, и сержант десантников упал на колени, чувствуя, как подпрыгивает платформа. Захарии казалось, что ему стирают зубы наждаком.

Выстрелом из мелтагана предатель испарил опорные площадки третьего этажа, и уровень элизийца резко накренился вниз. Выпустив трос, гвардеец на глазах у раптора беспомощно заскользил к повисшему краю мостков.

Не снижая громкость верещащего вокс-динамика, космодесантник прицелился выше и уничтожил значительную часть верхнего этажа, до которого отчаянно пытался добраться Педазур. Сияющий от жара скалобетон посыпался на площадку прямо над головой флаг-сержанта; мостки отвели смертоносный град в сторону, но пригнувшийся кадиец всё равно отскочил, спасаясь от капель расплавленной арматуры.

Взревели двигатели прыжкового ранца, и алое чудовище ринулось в разрушающееся сплетение канатов и металла; пламя, мерцающее в выхлопе турбин, освещало громадное нутро пещеры. Грузно приземлившись на ближайшей к Захарии стороне треугольного колодца, существо пробралось через обломки камня и стали, не сводя глаз с элизийца.

- Как ты посмел сразиться с нами в небесах?!

Яростный рев предателя грохочущим эхом отразился от прочных черных стен, и мощь его голоса отколола куски скалы, которые рухнули на пол или исчезли в зияющей треугольной пасти провала.

- Мы *правим* небесами! Ты - всего лишь жертва, и даже охота на тебя безынтересна!

У сержанта кружилась голова и болело всё тело, он даже не понимал, где именно находится, но слова космодесантника пронзили дымку подобно ножу, раскаленному добела. Благодаря испытанным приемам, которые Захария разработал за годы, проведенные под артобстрелами и посреди всеобщих смятений, ветеран прочистил мысли, обрел сосредоточенность и, прочно ухватившись за стальные держатели страховочного троса, выпрямился на круто наклоненном металлическом полу. Раптор приблизился ещё на пару шагов и взобрался на крупный камень, почти без усилий держа мелтаган в огромных, усеянных шипами латных перчатках. В метре от предателя грохнулся ещё один обломок черного гранита, но он даже не вздрогнул.

- Мы уничтожим это место и поглотим вас всех. Ничто не поможет вам одолеть славных Кровавых Апостолов. Да восторжествует Хаос!

Захария поднес прицел к глазу, но не стал стрелять по космодесантнику. Вместо этого сержант направил лазган вверх, отыскивая источник падающих камней, и, действительно, увидел глубокую расселину в потолке, от которой расходилась паутина трещин. Нажав на спуск, элизиец с хирургической точностью послал несколько разрядов в ослабленный участок. Раптор оказался настолько высокомерным и самоуверенным, что даже не проследил за лучами.

- Я вырежу мое имя на твоём смертном теле. Приготовься подышать!

Первый из рухнувших на него обломков был едва ли метровой длины, но от удара по рукам хаосит потерял равновесие, и гибельный пучок перегретой энергии ушел в сторону от Захарии. Второй фрагмент скалы, однако, оказался намного крупнее и падал словно бы в замедленной съемке, величественно набирая скорость - а затем приземлился на голову предателя.

От грохота, разнесшегося по залу, ещё несколько камней обвалились со стен и потолка. Валун оказался настолько тяжелым, что раптор не мог поднять его и сбросить. Впрочем, он уже полз вбок, и элизиец понял, что космодесантник вот-вот выберется.

Закрепив лазвинтовку на груди, ветеран-сержант бросился к страховочному тросу, конец которого волочился по заваленному обломками полу, и за несколько секунд съехал вниз. На бегу гвардеец стянул перевязь с осколочными гранатами и плотно скрутил их вместе, а из остальной ленты сделал большую петлю.

Впереди шевелился огромный валун, и элизиец уже видел дугообразные выступы на воздухозаборниках прыжкового ранца: предатель высвобождался быстрее, чем надеялся Захария. Выдернув чеку одной из гранат, боец метнул самодельное лассо через просвет в грудке обломков; стуча по камням, груз свалился в могилу, уготованную сержантом для Кровавого Апостола. Одиночный взрыв не особенно повредил бы силовой доспех, но детонация полудюжины зарядов в ограниченном пространстве – другое дело.

Очевидно, раптору пришло в голову то же самое, поскольку он резко и лихорадочно забился. Развернувшись, элизиец устремился к опасно качающимся подмосткам, считая про себя:

- Десять... девять... восемь...

Когда-то Захария установил рекорд полка в скоростном лазании по канату, но это случилось на одной из просторных тренировочных площадок Элизии, и бойцу тогда не мешала полная броня вкуче с усталостью. Впрочем, перспектива погибнуть в вихре каменных осколков и фрагментов вражеского доспеха неплохо подстегивала сержанта во время подъема. Десантник продолжал обратный отсчет, пока не схватился за край безумно кренящейся платформы. Оказавшись там, откуда начал «забег», он взмолился Императору, чтобы мостки оказались достаточно высоко и далеко от ворочающегося внизу предателя.

- Один...

Взрывы отбросили раптора к колодцу, спиной вперед, левую ногу чудовища разорвало в клочья, а правую вывернуло из таза. Крича от боли и ярости, хаосит оперся на руки и попытался выпрямиться, но не сумел, и тут же в него вонзились копы лазерного огня. Элизиец задрал голову, но не смог разглядеть стрелявшего.

- Адуллам... Педазур, ответьте.

Раздался треск помех, потом Захария услышал, как флаг-сержант негромко матерится, ведя огонь по ползущему внизу раптору.

- Адуллам, отвечай. Адуллам!

Командир пытался скрыть волнение в голосе, но не сумел. Его боец серьезно пострадал в момент первой атаки – возможно, сейчас рядовой где-то застрял или, хуже того, лежал, погребенный под грудой камней. В любом случае, предатель был ещё жив, следовательно, представлял угрозу.

Держась ровно, как только возможно, Захария прицелился в дергающуюся тварь. В тот же миг, как раптор заполнил область прицела, сверкнула ярчайшая вспышка, и враг пропал из виду, свалившись в треугольную дыру. Несколько раз мелькнули отблески пламени, – космодесантник пытался запустить прыжковый ранец, – но угасли, знаменуя его падение навстречу гибели. В гарнитуре сержанта раздался лающий смешок Адуллама.

- Прости, что заставил понервничать, серж. Когда занят подготовкой ракетомета, не до разговоров.

Захария облегченно выдохнул.

- Извинения приняты, рядовой. А теперь давай выбираться из этой долбаной западни.

Первым через неровную дыру в потолке протиснулся Педазур, а затем сержанты наполовину втянули, наполовину протолкнули Адуллама в отверстие, невзирая на его болезненные протесты и ругательства. Пока гвардейцы переводили дыхание, остатки системы подмостков окончательно потеряли устойчивость и рухнули. Кадиец вытер пыльным рукавом грязное лицо, залитое кровью из многочисленных порезов и борозд на щеках.

- Не то чтобы мы собирались уходить, но теперь обратной дороги просто нет, - заметил он.

Перегнувшись пополам в приступе кашля, Адуллам отхаркнулся и сплюнул на оседающую грудку обломков. Затем все трое двинулись в дальний угол тускло освещенного зала, где довольно крепкие с виду лестницы уходили к относительно низкому потолку.

- Теперь помещения будут намного меньше, пока мы не доберемся до командного пункта и храма, - объяснил Педазур. - Если враг не перекрыл какие-нибудь проходы, времени уйдет немного. Вероятно, после такого грохота они считают всех нас погибшими, так что, *возможно*, на нашей стороне элемент неожиданности.

Захария поднял бровь, Адуллам нахмурился, а потом элизийцы повесили лазганы на плечи и жестами пригласили кадийца возглавить группу.

Пока бойцы взбирались дальше, Захария почти сумел избавиться от звона в ушах, крепко зажмуриваясь и двигая челюстью. Несмотря на все события последних часов, ветеран-сержант считал, что ему очень, очень повезло.

Вспомнив истории, услышанные в солдатской столовой, - даже с поправкой на привычку гвардейцев преувеличивать опасность, - боец осознал, что победа и над одним космодесантником, не говоря уже о двоих, является исключительным достижением. Честно говоря, первый враг был серьезно ранен, а второй находился далеко не в идеальной позиции с точки зрения тактики. Элизиец не сомневался, что исход столкновений оказался бы совершенно иным, если бы предатели атаковали его не поодиночке, и в ограниченном пространстве с прочными укрытиями.

Помещения возле вершины имели схожую конфигурацию, не считая относительного уменьшения в размерах, но, когда гвардейцы оказались двумя уровнями ниже командного пункта, положение резко изменилось. Всё началось с легкого химического запаха, быстро превратившегося в невыносимый смрад горелой плоти и прометия. Осторожно войдя в комнату, бойцы с жестокой ясностью поняли, что произошло. Вместо того, чтобы перекрыть проходы на нижние этажи, космодесантники Хаоса сбросили зажигательные бомбы на головы солдат, пытавшихся отступить или контратаковать. Обугленные тела и куски искривленного металла сплетались в абстрактные адские картины, образы, словно явившиеся из самого варпа. Помимо боевых товарищей Педазура, огонь также поглотил все запасы боекомплекта, на которые рассчитывал отряд.

Трое гвардейцев старались как можно осторожнее переступать почерневшие, хрупкие скелеты павших из 46-го Кадийского; температура заметно поднялась из-за не полностью остывших стен и пола. Две

смыкающиеся лестницы, которые вели наверх, сплывались вместе, но имперцы сумели подняться по ним на следующий уровень, где обнаружили такую же ужасную сцену. Услышав внезапный грохот, бойцы взяли оружие наизготовку, но никто не атаковал их ни изнутри, ни снаружи маленькой, засыпанной пеплом комнатки.

- Тащат что-то тяжелое? - прошептал Адуллам.

Звук раздался вновь, став громче, и с задрожавших стен полетели хлопья сажи, осевшей там толстым слоем. На гвардейцах не было дыхательных масок, и им пришлось уткнуться лицами в сгибы локтей, чтобы приглушить неудержимый кашель. Раненый элизиец при этом вновь согнулся пополам от боли.

Через несколько мгновений рокот сменился гулким топотом саботонов, удаляющимся от имперцев. Трое бойцов подошли к огромной дыре в потолке, входу на следующий уровень. Аванпост кадийцев наверху был ярко озарен, и через отверстие проникало достаточно света, что позволило Адулламу и Захарии отключить усилители изображения в шлемах. Пригнувшись, сержант заглянул в дыру, но не заметил наверху ни движений, ни подозрительных теней. Посмотрев на стену, элизиец увидел, что лесенка на ней полностью расплавлена. Кроме того, каким бы путем гвардейцы не поднялись в командный пункт, если их заметят в момент появления из отверстия, то всё будет кончено.

«Надо же, вот именно *здесь* всё освещено», - уныло подумал ветеран-сержант.

Оставалось надеяться только на то, что рапторы слишком поглощены собственными занятиями и не засекут новоприбывших. Забрав у Педазура брошенный на него моток веревки, Захария укрепил на конце троса самодельный крюк, продолжая терпеливо выжидать новых шевелений вверху. Выбрав подходящий момент, элизиец забросил «кошку» в отверстие и туго натянул канат.

Флаг-сержант, взбиравшийся первым, осторожно высунул голову над полом, выискивая вражеских наблюдателей. Обзор ему загораживали валяющиеся повсюду обломки; здесь и там лежали убитые братья-кадийцы. Кое-где в усиленном покрытии, настеленном до схожих с пальцами колонн, виднелись дыры, и ветер свистел через несколько пробоин и трещин. Одну стену из трех снесло взрывом, как и часть древних опор, некогда поддерживавших храм на вершине. Ближе и по правой стороне от себя, Педазур увидел рухнувшие балки и мостки - остатки лаборатории техножрецов, все эти годы закрытой для солдат. Таинственное оборудование, находившееся там, сгнуло в темнеющих над головой небесах.

Не обнаружив и следа предателей, флаг-сержант дважды постучал ботинком по полу, давая сигнал напряженно ждущим Адулламу и Захарии. Пока элизийцы готовились к подъему, Педазур лег на живот, подполз к груде обломков и, осторожно установив на ней лазган, прикрыл выход на этаж. Взбираясь наверх, рядовой шумно вздохнул от боли; к счастью, враги этого не услышали.

Адуллам особо не смотрел по сторонам, подползая к позиции флаг-сержанта, но кадиец заметил, что задетый десантником кабель, толстый и змеящийся по полу, был детонационным шнуром. До взрыва храма, подготовленного Кровавыми Апостолами, осталось мало времени. *Очень* мало.

Через пару секунд после появления Захарии все трое уже двигались к центру разрушенного командного пункта. С учетом нынешнего состояния комплекса, сложно было рассмотреть среди обломков его хорошо защищенную сердцевину, где располагался передатчик и другие жизненно важные системы. Заметив, что в тених на средней дистанции перемещаются как минимум трое рапторов, элизийский сержант пригнулся и жестами велел товарищам следовать за ним.

Опустившись на колени за полуразрушенным столом для совещаний, ветеран смещался в сторону, пока

не смог четко разглядеть двоих предателей. Космодесантники Хаоса работали у передней стенки длинного серого ящика, аккуратно установленного на обугленном пульте управления. К устройству подходили пучки толстых кабелей и тонких проволочек, исчезающие в ряду прорезиненных разъемов на верхней панели. Захария, имевший опыт использования специальных вооружений, предположил, что это детонатор, почти готовый к активации.

Когда к врагам присоединился третий раптор, в намного более пышном доспехе, элизиец жестом скомандовал приготовиться Адулламу и Педазуру, расположившимся слева и справа от него соответственно. Все трое осторожно заняли позиции для стрельбы; если только другие изменники-астартес не были чем-то заняты снаружи монолита, на каждого гвардейца оставалось по одной цели.

Как только имперцы собрались с духом для атаки, чудовище в изукрашенной броне внезапно выпрямилось, и, грохочущими шагами обойдя двух других, посмотрело прямо на Захарию.

- Итак... добыча вернулась.

Голос хаосита сочился презрением: очевидно, он был уверен, что солдаты не представляют никакой угрозы. Два оставшихся Кровавых Апостола разом повернулись и встали по бокам от него. На левую руку твари, оказавшейся справа, был намотан какой-то рваный, грязный и обтрепанный кусок ткани - полковое знамя Педазура. Существо заговорило, небрежно и свысока:

- Следует ли мне уничтожить их, Шамхут?

Откуда-то изнутри статуи из красного металла донесся трескучий смешок, лишенный веселья.

- Нам всем следует взяться за них, братья. Нельзя больше терпеть эту помеху.

Левый раптор рванулся на Адуллама, который, пригнувшись, отскочил за стальной лист. Космодесантник выстрелил в упор, импровизированное укрытие приняло на себя всю мощь детонирующего болта, и кусок металла вместе с гвардейцем глубоко врезался в ослабленную внешнюю стену. Как только предатель двинулся к рядовому, собираясь завершить начатое, Захария прицелился в оружие Шамхута; произведя несколько уверенных выстрелов, он вывел болт-пистолет из строя. Третий великан издал искусственно усиленный вопль и грузно понесся в направлении Педазура. К невероятному потрясению ветеран-сержанта, кадиец бросился навстречу алому чудовищу, изрыгая проклятия в адрес похитителя знамени и бешено стреляя в него на бегу.

Раптор с флагом помедлил, на долю секунды разделив изумление Захарии. Тут же к чудовищу вернулась прежняя кровожадность, и оно затопало к Педазуру, сменив болт-пистолет на цепной меч, который затрясся в предвкушении новой жертвы.

Флаг-сержант метнулся влево, за стропило, в направлении груды тел - он заметил там нечто похожее на ракетомет. Оружие оказалось поврежденным, но пусковой механизм выглядел целым, и в стволе находился снаряд, готовый к стрельбе. Когда кадиец вскинул громоздкий тубус, астартец-предатель уже был менее чем в трех метрах от него, почти на расстоянии удара. В такой ситуации Педазур даже не стал целиться - просто нажал на спуск, и ракета врезалась космодесантнику Хаоса прямо в грудь. Взрыв разорвал тварь на куски, но ударная волна отшвырнула стоявшего вплотную гвардейца назад.

Врезавшись спиной в расщепленную балку, Педазур разбился насмерть.

Сотрясение от взрыва заставило Шамхута отступить, покачнувшись на ногах в тяжелой броне, а Захарию бросило на пол. Противник Адуллама прекратил атаку, развернулся, и, закричав от ярости при виде

погибшего собрата, с грохотом понесся на распростертого ветеран-сержанта. Детонировала бронебойная граната, брошенная гвардейцем, но это не остановило раптора – только отбросило в сторону. Элизиец, на которого сыпались осколки камня, кое-как добрался до внешней части храма и вылез на узкий мостик обслуживания, идущий вокруг поврежденных стен командного пункта.

Порывы ледяного ветра хлестали его тела, морозили открытые щеки и рот, но не холод беспокоил Захарию. Он выбрался между несколькими внешними опорами и никак не мог навести оружие, даже для стрельбы вблизи, не потеряв при этом равновесия. Точно так же ветеран не мог подняться на колонны слева и вверху от себя: для этого пришлось бы лезть через полдюжины подпорок, оставаясь беззащитным перед врагом.

Космодесантник, атаковавший Адуллама, не пытался скрыть свое приближение от сержанта. Наклонившись вперед, элизиец выглянул из-за толстой вертикальной балки и увидел, как на мостике обслуживания в нескольких метрах от него сжимаются когти ступни, облаченной в броню. Скалобетон уже крошился под весом чудовища в доспехе. Услышав рев прыжкового ранца, Захария прижался спиной к стене командного пункта, втискиваясь за ещё одну стойку, расположенную ближе к модульному зданию.

Мимо него пролетело несколько болтов, но раптор испытывал те же проблемы с углом атаки, что и гвардеец. Патовая ситуация, которую легионер-предатель не собирался затягивать: сержант ощутил, как мостик под ним распадается от тщательно нацеленных выстрелов. Через несколько секунд под ногами Захарии оказалось бы чистое небо.

Боец снова взглянул на колонны храма, понимая, что не доберется до них. Враг придвинулся ещё немного, продолжая вести огонь по платформе, и тут у элизийца родился план.

Схватив гранату, он вытащил чеку, досчитал до минус трех и, выскочив на мостик, метнул заряд к основанию ближайшего столпа. Взрыва Захария не видел, так как вынужден был, пригибаясь, отскочить обратно, чтобы уйти от болтерной очереди. Зарывав с досады, раптор продолжил разрушать узкую платформу и выбил крупный кусок пола.

Прозвучал резкий треск, за которым последовал грохот камня о металл. Стрельба прекратилась, раздался гневный вскрик, перекрывший свист ветра. Высунув голову из-за угла, сержант успел заметить пропадающего внизу Кровавого Апостола. Граната сработала, как и было задумано, расчет оказался верным. Теперь Захарии оставалось только...

Кулак в алой латной перчатке пробил стену в каких-то сантиметрах от его головы. Инстинктивно отдернувшись от молниеносно быстрого движения, элизиец потерял равновесие и уткнулся в громадную руку Шамтуха. Схватив ветерана за наплечник, чудовище рывком ударило его о внешнюю облицовку.

У Захарии вышибло воздух из легких, и он не упал только потому, что схватился за стойку, возле которой прятался до этого. Кровавый Апостол срывал ярость на здании, отдирая стенные панели, будто кожуру с фрукта. Латная перчатка вновьхватила ветерана, на этот раз – за шею.

Подняв элизийца, предатель сорвал с него шлем, и, пока боец пытался вдохнуть, изучил окровавленное, покрытое синяками лицо человека. То ли из-за какого-то отдаленного воспоминания о былом родстве, то ли из невольного уважения к добыче, сумевшей погубить нескольких его братьев, но космодесантник помедлил. Как бы то было, ветерана-сержанта в такой ситуации посетила только одна идея, и, сделав невероятное усилие, он плюнул во врага, примерно целясь в глаза. Взревев, искаженный астартец вытянул руку, готовясь сбросить Захарию в бездну.

- Отпусти его. *Сейчас же!*

Это был скорее хрип, нежели крик, но и элизиец, и раптор всё прекрасно расслышали. Над плечом твари изумленный Захария разглядел потрепанного Адуллама, который держал трясущимися руками мелтаган, нацеленный Шамхуту в спину. После кратчайшей паузы космодесантник повернул голову и спокойно, неторопливо произнес:

- Как пожелаешь.

Ветеран-сержант давно привык к ощущению падения. Оно было для него таким же обыденным, как еда или питье, но в этот раз Захария неся вниз без гравитюта - повторяющийся ночной кошмар стал реальностью. Он увидел, как поднимается разжатая рука предателя, и скорее вообразил, чем услышал, яростный крик Адуллама, стреляющего в Шамхута.

Раптор, запустив прыжковый ранец, почти сумел избежать попадания, но край пучка зацепил его правый бок, и воздухозаборник с этой стороны превратился в груды шлака. Бешено вращаясь, чудовище на огромной скорости пронеслось мимо свободно падающего гвардейца.

Паника, растущая в мыслях сержанта, испарилась. Её место занял круговорот расчетов и поправок; тут же левая турбина Шамхута кратко простучала, после чего отрубилась, испустив длинную полосу дыма. Крутнувшись в полете, Захария резко наклонился всем телом к земле. Глаза элизийца слезились от набегающего ветра, он почти не мог дышать, но прицелился верно. Изменник-астартес, пытаясь остановить падение, замедлился относительно сержанта и через несколько секунд оказался в зоне досягаемости. Они были менее чем в полумиле от бескрайней поверхности Офель-минорис.

Захария врезался в дымящийся доспех раптора в районе пояса, отчего противники завертелись. Удивленно хмыкнув, Шамхут замахал руками, пытаясь отбросить элизийца. Изменнику удалось задеть плечо сержанта, и тот отлетел в сторону, но оба по-прежнему падали с одинаковой скоростью. Свернувшись клубком, гвардеец использовал все известные ему приемы, чтобы занять верную позицию, и на этот раз приблизился к космодесантнику из слепой зоны. Одновременно с тем, как он ударился о прыжковый ранец, уцелевшая турбина взревела и запустилась.

Кончиками пальцев Захария вцепился в закругленный край её воздухозаборника, чувствуя сквозь изорванные перчатки опаляющий жар. Долго так не удержаться. Враг яростно крутил головой по сторонам, извивался и тряс руками, пытаясь сбросить гвардейца. Именно тогда сержант кое-что заметил: оплавленную дыру в броне между шеей и шлемом, несомненно, пробитую выстрелом Адуллама. Повиснув на одной руке, элизиец потянулся за последней гранатой. Вытащив чеку, он затолкал снаряд в отверстие и на долю секунды разжал обожженные пальцы, но тут же сомкнул их на неработающем правом сопле.

И отлетел прочь, отброшенный силой взрыва гранаты внутри доспеха Шамхута. Во все стороны устремились ошметки плоти и металлические осколки, часть которых рассекла Захарии ногу и руку. Боль для сержанта не имела значения: он был полностью сосредоточен на оторвавшемся прыжковом ранце. Устройство, теперь не сдерживаемое огромным весом раптора Хаоса, рванулось ввысь. Схватившись за него обеими руками, элизиец удержался, преодолевая муки ожогов.

Он летел на невыносимой скорости. Жуткая боль терзала ладони гвардейца, его голова кружилась от резкого набора высоты и неудержимой тряски. Больше Захария этого выносить не мог. Слева от него

возникла вершина монолита; тяга возросла, затем исчезла вообще, и подъем по дуге сменился падением. Угол был неидеальным, но приемлемым, и в самой ближней к строению точке траектории элизиец оттолкнулся от бесполезного теперь прыжкового ранца.

Сержанту потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он слышит. Первый из искаженных голосов принадлежал, кажется, капитану «Уничтожения», второй – Адулламу. Открыв глаза, Захария увидел, что его ноги прибинтованы к шине, одна рука крепко притянута к телу, а обе кисти полностью замотаны повязками. Пустой шприц, лежавший рядом с головой элизийца, объяснял отсутствие боли.

- Угроза устранена. Просто заберите нас отсюда. Двое раненых на вершине объекта. Адуллам – отбой.

Тихо ругнувшись, боец выпрямился и отошел от станции связи, запинаясь о переподключенные кабели. Встав над другом, он улыбнулся, показывая три сломанных зуба.

- У тебя перелом левой ноги ниже колена, левой руки выше локтя, а обе кисти просто изжарились. Не считая этого, ты в порядке, – проворчал Адуллам. Захлебнувшись жестоким кашлем, он грузно осел в остатки кресла.

- Сделай кое-что для меня, Адуллам, – пробормотал Захария.

Рядовой устало поднял бровь.

- Что тебе нужно?

Сержант поднял голову, насколько мог. Она казалась невозможно тяжелой, как и правая рука, которой он указал перед собой.

- Накрой, пожалуйста, тело Педазура его знаменем. Оно где-то у одного из предателей.

Это было самое меньшее, чем они могли почтить кадийца.

Адуллам оглянулся в сумрак разрушенного командного пункта, вздохнул и повернулся обратно к Захарии.

- Уже сделано, серж. Уже сделано.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Монолит_/_Monolith_\(рассказ\)&oldid=6855](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Монолит_/_Monolith_(рассказ)&oldid=6855)

Эта страница в последний раз была отредактирована 23 октября 2019 в 21:19.